Евгений Васильевич САЗАНОВ:

Пусть прозвучат забытые имена…

Парень с улицы Ильича

- С чего ж начать… Наверное, с мирного 1940 года, памятного мне потому, что я окончил школу-семилетку и поступил в авиамеханический техникум. Было это во Владимире, где наша семья - слепой отец, полуслепая мама и мы с братом - жила на улице Ильича.

А в следующем году, 1941-м, помню, как иду по другой улице, той, на которой жила моя будущая жена, и вижу толпу около репродуктора: 22 июня, 11.00, выступает нарком Молотов… Побежал домой, хотя бежать хотелось на фронт. Тут же, немедленно! Мы были так воспитаны - в любви к великой Родине, а ей требовалась защита. Но 16-летних пацанов в армию не взяли. Пришлось учиться в техникуме, в том числе военному делу.

Техникум я окончил с отличием в 1943 году, получив от Министерства авиационной промышленности бронь и направление на завод в Ульяновск. Мне сразу повезло на людей. Приборостроительный завод, его инструментальное производство создавались фактически заново, но на основе предприятий, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, поэтому в нашем цехе работали в основном столичные горожане. Однако ульяновцы оказались способными учениками.

Будущий директор этого завода Вячеслав Зорин был токарем, будущий директор завода «Комета» Володя Краснов - фрезеровщиком, рядом трудились другие

Визитка

Родился 23 августа 1925 г. во Владимире. Окончил авиамеханический техникум (1943 г.), Ульяновскую облсовпартшколу (1956 г.), Высшую партшколу при ЦК КПСС (1960 г.).

Работал на Ульяновском приборостроительном заводе (мастером, начальником цеха, секретарем партбюро), в НИИАРе, затем возглавлял Мелекесский горком партии, Комитет партийно-государственного контроля при обкоме КПСС и облисполкоме, был заместителем председателя облисполкома, в течение 17 лет - секретарем Ульяновского ОК КПСС. В 1981-1991 гг. являлся заместителем председателя правления Центросоюза СССР.

Награжден пятью орденами и пятью медалями СССР. Почетный гражданин Ульяновской области.

В Ульяновской области прожил 38 лет. В Москве - с 1981 г.

Автор идеи о создании Ульяновского землячества в столице.

1950 год. Ульяновские приборостроители на демонстрации, посвященной Октябрьской революции.

замечательные ребята - слесарь Костин, расточники Борис Епифанов и Николай Ершов, фрезеровщик Михаил Седов, строгальщик Андрей Михайлович Цветков и другие. На их фоне мы, владимирские, в грязь лицом тоже не ударили. Хотя помню однажды свое лицо заплаканным...

Асфальтированные тротуары в Ульяновске нам тогда даже не снились. Ходить на работу в слякоть было не в чем. А уж если пригласят 7 ноября на городское торжественное, то оттуда добираешься, утопая в грязи и проклиная все руководство за оказанную честь. Старшие товарищи посоветовали написать заявление директору, мол, прошу выделить обувь: «Ты, Жень, на хорошем счету, отказать не должны». Заявление вернулось с визой: «Выделить пару ботинок на текстильном ходу». От обиды я расплакался: ботинки-то мне нужны были не для танцев на паркете!

До «ножек Буша» были «яйца Рузвельта»

А вообще, я относился к аристократии рабочего класса: помощник мастера инструментального цеха должен был уметь все. В умениях я старался и вскоре стал мастером. Однако тут меня приглядели ребята из госбезопасности. Отказать им по тем временам было немыслимо, да и разведчик - разве не привлекательная профессия? Словом, в 1946 году направили меня в числе других заводчан учиться в школу КГБ, в город Горький. Проучился три месяца. И показал характер… Нет, не я, а руководитель «приборки», с его подачи обком обратился в ЦК: «План производства оборонной продукции срывается. Просим вернуть ценных специалистов».

Так я возвратился к заводскому пайку. Хлеб - по карточке, на первое - мутная вода с зеленой помидориной в алюминие-

вой тарелке, на второе - «яйца Рузвельта». Сейчас все знают «ножки Буша», а нашему поколению не надо объяснять про те самые яйца. Американский сухой яичный порошок разводили водой и жарили яичницу толщиной с листочек бумаги. Вкус этого меланжа, вернее его безвкусие, забыть невозможно.

Директор Калошин, который не выделил мне обувь, вдруг выделил премию - целую тысячу рублей с явно фальшивой формулировкой в приказе «За долголетнюю безупречную работу». Ну, не было еще у меня долгих лет! Директор, наверное, просто хотел заиметь подкаблучника. Однако дни его на начальственном посту были сочтены. Товарищ злоупотреблял - выписывал себе со склада вещи для домашнего обихода. Из-за этих «ошибок», по настоянию заводского парткома, обком КПСС опять же обратился в ЦК - с просьбой заменить руководителя оборонного предприятия. Да-да, такая вот была «живая связь»: важные кадровые вопросы решались именно в Москве. Помню, как Калошин процедил мне прощальную фразу: «Молодой ты еще, молоко на губах у тебя не обсохло…».

Красиво жить не запретишь

Да, я был молод, но за себя постоять уже умел. Защитная реакция у меня с детства: отец-то моих обидчиков видеть не мог, да и подопечных у него, директора школы слепых, хватало без меня. Так что, когда однажды на заводе не сумели справиться с хулиганом, я, «интеллигент в очках», схватил его за нос, протащил по всему цеху и спустил с лестницы уровня 3-го этажа. За это члена парткома, которым я был избран, стали только больше уважать. Впрочем, приходилось получать и предупреждения: «Тебя сегодня будут бить!». Если бы я, как говорится, «праздновал труса», не выжил бы. Обстановка в стране, как всегда, была непростая: мы боролись за жизнь.

Причем после войны обостренно хотелось красивой жизни. Стали возвращаться фронтовики, везли из-за границы диковинные часы. Ну, как не пофорсить?! За возможность приобрести эту тикающую импортную штамповку я отдал половину месячных хлебных карточек, а потом «сосал лапу». Без часов. Меня, как это издавна водится на Руси, обманули...

Мелекесс - город чудес

Про мои глупости мало кто знал, а вот лидерские качества, видимо, заметили и дали направление на партийную учебу. Еще работая на заводе, я окончил Университет марксизма-ленинизма при Ульяновском горкоме партии, затем, в 1956 году, областную партшколу, а в 1960 году заочно, с отличием, Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

К тому времени я стал уже широко известным в закрытых мелекесских кругах человеком. Почтовый ящик № 83 - так называлась строительная организация, которая в середине 50-х годов прошлого века начала строить в лесах около Мелекесса Научно-исследовательский институт атомных реакторов. Туда меня, 30-летнего, направили секретарем парткома.

Жили в бараках. Пели: «Мелекесс - город чудес: летом пыль до небес, а осенью грязь по колено». Свет городу давали 30 жиденьких электростанций, как их называли, «живопырок». Мы первыми в области, проложив линию электропередач до Ставрополя, нынешнего Тольятти, полу-

Середина 70-х. Димитровград. В НИИАР приехал председатель Совмина РСФСР М. Соломенцев.

чили энергию с Волжской ГЭС, первыми построили приемную телестанцию и начали смотреть передачи из Куйбышева (в Ульяновске телевышки еще не было).

Вспоминая НИИАР, не могу не назвать человека, который руководил строительством и очень много для этого края сделал: Семен Николаевич Бурдаков, генерал-лейтенант, депутат Верховного Совета СССР, прекрасный организатор и просто замечательная личность.

В 1957 году меня избрали первым секретарем Мелекесского ГК КПСС, причем претендентов на этот пост хватало. Скорее всего, выбор в мою пользу произошел не без участия первого секретаря обкома Игоря Петровича Скулкова, очень положительного человека, быстро подружившегося с Бурдаковым.

Однажды Скулков спас меня от серьезных неприятностей. Еще не слишком искушенный в политике, я задумал вроде бы благое дело - силами горожан водрузить на центральной площади Мелекесса памятник Ленину. Местные пионеры и комсомольцы собрали лом, а мастера из подмосковных Мытищ отлили монумент - как раз к юбилею Октябрьской революции.

Горжусь, жду гостей из области - праздник совпал с городской отчетно-выборной партконференцией. На нее приехал Владимир Петрович Васильев, председатель облисполкома. Смотрит программу празднеств и взрывается: «Как так? Где разрешение на сооружение памятника вождю мирового пролетариата?». Звонит Скулкову: «Что делать?..». Мудрый «первый» мгновенно взвесил ситуацию и сказал: «Не закрывать же? Надо открывать!». Думаю, что состоялись дебаты и по моей персоне и что Скулков так же отрезал: «Выбирать!».

Скулкова сменил Иван Дмитриевич Яковлев (работавший, кстати, с Брежневым). Приехал знакомиться. А тогда, помимо городского комитета партии, был самостоятельный сельский РК КПСС. Иван Дмитриевич спрашивает: «Ты им помогаешь?». Отвечаю «да», что было чи-

1960 год. Секретарь обкома партии Л. Мусатов вручает переходящее Красное знамя Мелекесскому району.

стой правдой. Деревенские ходоки появлялись у меня чуть ли не каждый день, всем хотелось чего-нибудь заполучить с городских заводов. Ведь избы в селах еще крыли соломой, редкий дом стоял под шиферной крышей… Яковлев решил устроить очную проверку: «А давай-ка сюда их первого секретаря позовем».

Приходит С. и начинает стенать: «Никто не помогает!». Первый секретарь обкома сидит в моем кресле, а мы, тоже первые, но рангом помельче, пристроились по бокам. Яковлев слушал-слушал плач С., да как стукнет по столу (чернильница, подпрыгнув, всех нас облила)!!! И уехал.

Буквально через несколько дней приходит постановление: упразднить Мелекесский райком КПСС, коммунистов поставить на учет в горком. Это решалось не на уровне области, а в ЦК. Думаю, что в быстром решении вопроса Яковлеву посодействовал Брежнев.

«Поищи дурака на мое место!»

В итоге мне пришлось руководить горселькомом и знакомиться с сельским хозяйством. Увидев не слишком тучные поля, я решил снять с работы первого попавшегося под мою руководящую руку председателя. Эх, как он меня благодарил: «Спасибо! До тебя трое пугали, но снять так и не решились. Поищи теперь дурака на мое место!». Приехал в другой колхоз - имени Чапаева. Спрашиваю председателя (не без крепких слов, на которые я горазд): «Что ж не боронуешь?» - «Нельзя, трактор завяз». Так я ему и поверил! Шагнул сапогом в поле, и сам, как трактор, увяз по самые голенища. Буркнул председателю: «Чего смотришь? Руку дай!» - «Перестанешь ругаться матом, тогда дам». И такие вот сельхозуниверситеты пришлось мне пройти…

Первого секретаря из Мелекесса часто вызывали в Ульяновск, в обком. Каждый вызов - это не только пыль из-под колес, но и часы ожидания у переправы через Волгу. По мосту шли только поезда, а автомобили и пешеходы забивали подходы к парому. С наступлением зимы мы, «крестьяне», торжествовали - можно было гнать машину по льду. И какое же было счастье, когда в 1958 году мост реконструировали, пустив его гужевую часть! Кстати, половину асфальтовой дороги до областной столицы из Мелекесса построили его горожане, а половину - Ульяновск.

Чем развращали рабочий класс

С января 1963 года меня перевели в область. Работал председателем областного Комитета партийно-государственного контроля, заместителем председателя облисполкома, секретарем обкома КПСС.

Из «контрольных» помню такой эпизод. Автомобильным хозяйством области руководил Павел Трофимович Маринкевич, яркий, творческий человек. Чтобы подбодрить своих подчиненных, он ввел

высшую оценку их личного труда - золотые часы для руководителей районных автохозяйств, победивших в социалистическом соревновании. Автомобилистам понравилось. Мне тоже: вспомнил себя, молодого, послевоенного… Но в столичном профильном министерстве таких наград не было. Доброжелатели накляузничали на Маринкевича: «Золото налево-направо раздает, развращает кадры».

Ситуацию стали обсуждать в Москве, в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС. Хотели исключить нашего ульяновца из партии, но мы его отстояли. Дело обошлось «строгачом» - строгим выговором, занесенным в личную партийную карточку. Тоже, кстати, не слабое наказание.

Еще один «строгач» достался директору «Контактора» Михаилу Михайловичу Закурдаеву. Он нанял цыган сделать на заводе сатураторы. Ушлые коммерсанты дело сделали, но цену вздернули. Закурдаев стоит насмерть: «Переплачивать не буду!». Цыгане - в Москву. Подгадали под выезд министра и бросают ему под колеса ребенка: «Отдайте наши денежки!». Перепуганный министр звонит в Ульяновск: «Черт с ними, плати!». Директор заплатил. И сам получил. Не премию за дело, а выговор.

И в Ульяновске началась новая жизнь

В те годы в Ульяновске появился Анатолий Андрианович Скочилов. Он уже поработал в Горьком, Арзамасе, Казани, в ЦК партии, в КГБ. Был резким, даже суровым, но отходчивым. Не терпел растерянных соратников. Бывало, как глянет своими раскосыми глазами: «Ты чего сопли распустил? Принимай решение!». Образован был блестяще, литературу и музыку знал на зависть. Высокий, по-мужски обаятельный, Анатолий Андрианович быстро находил общий язык с собеседником. Особенно, если собеседник ориентировался в сельских проблемах. Сельское хозяйство - это был «конек» Скочилова.

До него область считалась «белой вороной», которая при своей-то ленинской репутации не выполняла план «по-черному». А при Скочилове дело пошло, край стал передовым в Поволжье. Во многом благодаря настойчивости Анатолия Андриановича было принято постановление ЦК КПСС о подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, и в Ульяновске началась новая жизнь!

Каждую неделю все руководство области выходило на воскресники. Халтурить было немыслимо, ведь работали мы рядом с горожанами. Строительство Мемориальной зоны давалось напряженно, но заполучить материалы или специалистов оказалось проще, чем зазвать «дорогого Леонида Ильича» на открытие Мемориала. Тут уж пригодились все связи, вся личная

1972 год. В кабинете главного лица области (слева направо: начальник КГБ А. Назаров, первый секретарь обкома КПСС А. Скочилов, помощник первого секретаря Ю. Есин и Е. Сазанов).

харизма Скочилова. И Брежнев все-таки появился у нас 16 апреля 1970 года.

Кадры решали все

Мне в те годы было поручено промышленное направление. По вторникам на бюро обкома заслушивали руководителей предприятий. В Мелекессе появились ДААЗ, завод технических сукон (где стали делать прекрасные ковры), в Ульяновске строились завод «Искра», НИИ «Марс». Знаменитый директор Ульяновского механического завода Александр Иоффе превращал его из филиала УАЗа в самостоятельное предприятие. Завод «Комета» не справлялся с планом, пока его не возглавил мой заводской приятель Володя Краснов…

Вообще надо сказать, области везло на руководящие кадры. Хотя, может быть, не везло, а их здесь умели растить. Грамотными и результативными управленцами были директора Иван Васильевич Воротынцев (УЗТС), Николай Сергеевич Орлов (машзавод), Виктор Федорович Праведнов (РЛЗ), Георгий Дмитриевич Курнаков (моторный завод); начальники областных управлений: сельского хозяйства - Сергей Андреевич Петрушкин, внутренних дел - Александр Романович Буркин, шерстяной промышленности - Эдуард Александрович Цейдлер, торговли - Виктор Матвеевич Рыбников, облпотребсоюза - Виктор Андреевич Нефёдов; облпрокуроры - Виктор Васильевич Найдёнов, Федор Васильевич Жданов; завотделами обкома партии - Борис Александрович Уральцев, Александр Андреевич Маслов, Николай Демьянович Долгих, Александр Михайлович Марьев, Борис Николаевич Исаков.

Отдельно скажу о начальнике областного статуправления Иване Федоровиче Подателеве, ему я многим обязан. Недоброжелателей у меня было достаточно

- пытались снять с должности каждый квартал. Но по радио столь же регулярно передавались сводки статистики. И что поделать, промышленные показатели нашей области всегда были на должной высоте! Причем отчетность тогда была строгой, контролируемой. А признательность моя Ивану Федоровичу заключалась в том, что он, имея на руках цифры, не ленился системно делать их достоянием прессы. Кстати, он вовремя сообщал не только об успехах, но и об отставании, а мы принимали соответствующие меры.

От личности руководителя в любые времена зависит немало. Вот была у нас база плодовощторга. Дела не шли, руководителей меняли-сажали, однако убытков меньше не становилось. Поставили во главе молодого тогда Эдуарда Фридмана, и база заработала!

Мало кто верил и в завод минеральной воды «Волжанка». Но мы с доктором Евгением Чучкаловым, руководителем облпотребсоюза Иосифом Козловским упрямо шли к цели. Добились оборудования, достали через Госплан посуду и достигли результата. Кто теперь из ульяновцев не пьет «Волжанку»?.. Даже мы в Москве на встречах землячества всегда ставим на столы бутылки именно с этой водой.

Мы старались сделать жизнь ульяновцев комфортнее: создали первый в городе большой «Детский мир», открыли магазины «Серебряный источник», «Здоровье», где для ребятишек появились импортные продукты, правда, тут пенсионеры оказались проворнее внуков…

Как жило руководство области

Само руководство области жило в достатке, но без роскоши, она не поощрялась. Показателем принадлежности к высшему кругу считалась пыжиковая или норковая шапка. Купить ее было невозможно, а достать трудно. Начальник Управления торговли Виктор Матвеевич Рыбников ноги до колен по столице стопчет, пока выпросит для ульяновцев с десяток шапок! А потом надо было выпрашивать у него. Он и отказать не мог, однако давал понять, что так просто товар не выдаст: «У тебя какой размер? 56-й? Ну вот, а у меня только 52-й…». Искушенный человек понимал, что такого размера в торговле нет вообще, а насчет 56-го надо замолвить слово перед областным руководством.

Руководство умело не только руководить, но и работать руками. Мы сами спустили воду в подвале нашего дома на улице Ленина, когда под Новый, 1978-й, год случилась авария на ТЭЦ. Так поступили многие народные умельцы. Но в ряде домов мужики не ударили пальцем о палец, и системы разморозились, батареи вылетали вместе со стенами. Спрашиваете, что делали специалисты? Да они просто не справлялись!

Масштаб аварии был огромным. Обком делал все возможное, чтобы быстрее ликвидировать ее последствия. Помогала вся страна, с разных ее концов в Ульяновск везли батареи. В той ситуации я честен перед людьми. Но в моем кабинете не раз раздавались звонки «доброжелателей». «Сазанов?» - «Да». - «Тебя еще не повесили? Скоро повесят!»…

Терпел, вспоминая не только резкость, но и выдержку Скочилова. Я многому у него научился, в том числе воли к жизни. Как-то нескромно называть Анатолия Андриановича своим другом, но он стал близким мне человеком… Забыл упомянуть, что Скочилов был прекрасным спортсме-

ном. Каждый день в 6 утра мы ходили в бассейн. Зимой по выходным - непременно на лыжи, Скочилов в синем спортивном костюме впереди, я за ним. Однажды заметил, как на морозном воздухе на его спине проявился силуэт легких, будто их кто-то нарисовал.

Он умер от рака легких, причем предчувствовал смерть. Года за три до нее начал говорить: «Приходит моя пора, это у нас семейное…».

Любовь навсегда

После кончины Скочилова я пробыл в Ульяновске недолго. В октябре 1981 года меня перевели в столицу, избрав заместителем председателя правления Центросоюза СССР. А в обкоме меня сменил директор механического завода Юрий Григорьевич Самсонов.

Из Ульяновска я уезжал с грустью. Здесь промелькнули 38 лет. Здесь из простого рабочего парня вырастили одного из руководителей области. Сюда я в 1947 году привез из Владимира мою Нину Ивановну, с которой мы прожили до ее кончины 49 лет. Здесь - в Димитровграде и Ульяновске родились наши дети… Скажу так: этот старинный волжский город в моем сердце словно гнездышко, в котором уютно разместилась любовь к ульяновцам. Она здесь - навсегда.

Если же подводить какие-то рабочие итоги того периода, то подвигов приписывать не буду. Мы работали в команде, и так, как нас учили, - забывали про выходные, не додавали должного внимания семьям, потому что прежде думали о деле. Организующая доля обкома, в том числе и небольшая моя, есть в том, что в те годы ульяновская продукция поставлялась свыше чем в 80 государств мира.

Помню, как японцы купили станок на УЗТС - Ульяновском заводе тяжелых и уникальных станков. Так вот, чтобы продемонстрировать размеры нашего изделия, 50 японских журналистов свободно разместились на станине!

Ни один корабль страны не уходил в рейс без ульяновских приборов. То же касается авиации, на которую вместе с моим родным приборостроительным заводом работало Ульяновское конструкторское бюро приборостроения. УКБП взлетело даже выше неба - оно поставляло изделия для космических кораблей.

Горжусь тем, что руководил оперативным штабом по строительству ДСК-2. При создании авиакомплекса была поставлена задача: возвести прежде новый город в левобережье Ульяновска, чтобы специалисты приезжали не в степь, а в готовые квартиры. Вот мы и начали с домостроительного комбината… Надо обязательно отметить, что энтузиазм в районе авиастроителей вообще был великий: объекты, как правило, сдавали досрочно, вся область помогала в изготовлении нестандартной продукции, страна - в поставке оборудования. Рос город - прирастала уверенность в будущем. Недостатки были, но верилось в созидание, а не в разрушение.

Кого обували, а кого раздевали…

Ульяновску я благодарен еще и за то, что познакомился здесь со многими знаменитыми людьми, считавшими за честь посетить родину Ленина. Глав государств и прочих иностранцев перебывало немало. Но память почему-то поместила в отдельную нишу два приезда: визит руководителя немецкой «Штази» Маркуса Вольфа,

1971 год. В гостях у ульяновцев - космонавт №2 Герман Титов.

которого сопровождал Виктор Чебриков, бывший тогда вторым лицом в Комитете госбезопасности, да встречу с девчатами-разведчицами, кажется, с Кубы.

Они стайкой впорхнули в кабинет Скочилова, тот смотрит: у девчонок туфли рваные. Тут же пригласил директора кожкомбината Волчека с подарком - чемоданом обуви. Красавицы быстро переобулись и начали аккуратно заворачивать снятые обноски: «Можно, мы отдадим свои туфли подругам?»...

Некоторые страны социалистического лагеря жили небогато, таким гостям Ульяновск казался обеспеченным и очень красивым. Впрочем, в скочиловские времена он таким и был.

Столичные знаменитости тоже ездили к нам с большим удовольствием. Мы встречали космонавтов Германа Титова и Георгия Берегового, Андрияна Николаева и Валентину Терешкову, скульптора Николая Томского и дирижера Евгения Светланова, певцов Людмилу Зыкину и Муслима Магомаева, композиторов Арно Бабаджаняна, Михаила Фрадкина, поэтов Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Расула Гамзатова…

Кстати, о последнем. Надо сказать, что наши «уазики» тогда в розницу не продавались. Исключения делались только для выдающихся персон. Приехал любимец страны, автор популярных «Журавлей» Расул Гамзатов. Завод в те годы возглавлял Иван Дмитриевич Маслов. Вечером они с Расулом посидели хорошо. Но долго. А утром довольный поэт отправился в Уфу. Маслова же вызвал Скочилов - расспросить про «посиделки». И на пороге своего кабинета ошарашил Ивана Дмитриевича вопросом: «Когда это тебя избрали депутатом Верховного Совета

1983 год. В командировке на Кубе.

СССР?». Оказывается, Гамзатов уехал в пиджаке директора (по комплекции-то они были примерно одинаковы), а Маслов прибыл в обком, впопыхах не заметив на лацкане редкого значка…

Вообще, Маслов был из когорты великих ульяновских директоров, мощь которых позволяла им стоять вровень со Скочиловым. Жизненные анекдоты, на мой взгляд, лишь прибавляют таким людям обаяния.

Расскажу еще один случай. Скочилов проводит совещание. Маслов опаздывает. Первый набирает его по ВЧ (такая связь была лишь у действительно влиятельных руководителей, в городе насчитывалось аппаратов пять или шесть). Маслов берет трубку. Скочилов: «Почему опаздываешь?» - «Да вот к маме заехал, она приболела. Сейчас буду!». - «А когда это твоей маме аппарат ВЧ поставили?»…

По ВЧ при мне Маслову звонил Алексей Николаевич Косыгин. Случилась чрезвычайная ситуация: пожар на УАЗе, горели склады. Мы приехали на завод вместе со Скочиловым. Трубку ВЧ снял кто-то из присутствующих и предложил Косыгину переговорить с первым секретарем обкома. «Нет, - отказался легендарный предсовмина СССР, - мне нужен директор». Косыгин не отчитывал Маслова, а, напротив, высказал ему слова поддержки, вселил уверенность, велел держаться. Он ценил людей, умел в них разбираться.

В Ульяновске перебывало множество влиятельных в те времена чиновников, чьи имена, увы, стираются из истории быстрее артистических. Встречи с многочисленными делегациями помогали решению областных вопросов и, безусловно, способствовали расширению личного кругозора, полезных контактов. Эх, как же я был благодарен всем этим делегациям, когда начал работать в столице нашей огромной страны!

Очень важно, что в столице есть ульяновцы!

В Центросоюз меня пригласил тоже ульяновский гость - Алексей Алексеевич Смирнов. С ним мы подружились, когда он был секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Приезжая в Ульяновск, он видел работу областной потребкооперации и, встав во главе Центросоюза, позвал меня стать его замом. 23 октября 1981 года обком партии дал согласие.

Центросоюз был мощной общественно-хозяйственной и торгово-закупочной организацией. Достаточно сказать, что в этой системе работали 3 миллиона 300 тысяч человек, а хлебом потребкооперация кормила 114 миллионов жителей СССР - примерно половину населения страны.

Мне поручили вопросы капитального строительства, технического прогресса, транспорта и материально-технического

снабжения. Материальная база была приличной, но за четыре года мы сумели усилить ее значительно. Добились выделения средств на закупку импортного оборудования, у нас появились современные предприятия переработки. Нынче модно поругивать все советское. Но тот, кто помнит, скажите, положа руку на сердце, разве плохи были натуральные соки или соленья от потребкооперации?..

В 1985 году мне исполнилось 60 лет. «За долголетнюю безупречную работу» юбиляра наградили орденом Октябрьской революции. Я храню его рядом с четырьмя орденами Трудового Красного Знамени и пятью медалями, полученными от государства. И, конечно же, в 60 лет я не сдался годам, поработал еще десятилетку на благо страны и своей семьи.

«В Индии я побывал в составе делегации ЦК КПСС, туристом за границей не был ни разу».

Был участником ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и землетрясения в армянском городе Спитак. После того, как рванула атомная станция в Чернобыле, надо было на месте решить, что делать с общепитом, заготовительными пунктами - что-то вывезти, что-то уничтожить. Примерно те же задачи стояли в разрушенном Спитаке, только там мы ничего не уничтожали, а наоборот, старались хоть что-то сохранить.

Затем наступило время отдохнуть. Персональную пенсию союзного значения - немалые по тем временам 220 рублей я получал лишь месяц. Изменился общественный строй, и меня оформили на обычную пенсию по старости.

В эти преклонные годы оказалось очень важным, что в столице есть ульяновцы Геннадий Кошеваров и Александр Басалов, Михаил Дудин и Сергей Марьин, Василий Мельник и Валентин Орлов, Дмитрий Баранов, Геннадий Савинов, Андрей Дунаев, Александр Воронин, Александр Николаев, Валерий Порунов, был Олег Ильин…

А из того нашего партийно-советского, я даже сказал бы скочиловского, призыва в Москве еще совсем недавно насчитывалось человек двадцать моих товарищей. Остался я один.

Живу на Кутузовском проспекте, в доме, где в свое время проживали Брежнев, Андропов, Щёлоков. Квартира хорошая, но завидных ценностей в ней нет, кроме разве что богатых воспоминаний о разных периодах выпавшей на мою долю судьбы. С годами каждый понимает, как важно, чтобы о тебе помнили. Пусть на этих страницах прозвучат забытые фамилии, оживут те, кто отдал свои лучшие годы Ульяновску, и кого, может быть, вспомнить уже некому…